NB стр. 1–2, 5, 10 [illegible]

Отк
необр.

Многоуважаемому Алексею Ивановичу Ивановскому от неспромнаго автора

Куликовский, Герман Иларионович,

Олонецкіе провинціализмы.

Психологическо-лингвистическій этюдъ (*).

Лексическій цензъ извѣстнаго народа, т. е. запасъ имѣющихся въ его языкѣ словъ можетъ служить изслѣдователю однимъ изъ лучшихъ источниковъ для опредѣленія умственнаго ценза народа, для опредѣленія степени его развитія. Есть, напримѣръ, народы, стоящіе на такой низкой степени развитія, что буквально „двухъ перечесть не умѣютъ"; въ языкѣ ихъ существуютъ, напримѣръ, слова для выраженія понятій „одинъ и два", дальнѣйшее же счисленіе обозначается словомъ „много": дальше слабый умъ нѣкоторыхъ дикарей уже не можетъ идти. У другихъ счетъ доходитъ до 10, до 15 и т. д., смотря по степени развитія народа.

Затѣмъ есть народы, въ языкѣ которыхъ имѣются видовыя названія, но нѣтъ общихъ именъ для обозначенія семейства, рода и т. п. Есть, напримѣръ, особыя названія для ноги человѣка, особое для ноги птицы, особое для ноги собаки и т. д., но нѣтъ общаго слова „нога"; есть масса названій для видовъ дерева или звѣрей, но нѣтъ общаго выраженія „дерево", „звѣрь" и т. п.

Способность обобщать, классифицировать свои представленія крайне слаба у дикаря: слово у него въ большинствѣ случаевъ есть реальный образъ. Благодаря этому у него нѣтъ такихъ отвлеченныхъ словъ, какъ, напримѣръ: ростъ, цвѣтъ, благодарность, мѣра, вѣра, умиленіе и т. д.

Кромѣ того, что въ языкѣ мы видимъ уровень развитія народа, въ настоящее время, по запасу словъ языка мы видимъ также кое-что изъ прошлой исторіи его умственнаго развитія: какъ онъ обходился во время сношеній съ себѣ подобными, когда еще не имѣлъ словъ (слова, составляющія переводъ жестовъ и мимики на языкъ словъ), какъ сложились нѣкоторыя изъ словъ его языка, что поразило прежняго человѣка въ извѣстномъ предметѣ, съ

(*) Сообщенъ Редакціи Олонецкихъ Губернскихъ Вѣдомостей этнографомъ Германомъ Иларіоновичемъ Куликовскимъ, посѣтившимъ Олонецкую губернію лѣтомъ 1887 года.

Государств. публичная историческая библиотека
993083
Н

чѣмъ онъ нашелъ сходство извѣстнаго явленія въ природѣ или явленія въ психической его жизни. Кромѣ всего этого нельзя не замѣтить вліянія на языкъ народа физическихъ условій мѣстности, вліянія занятія ремеслами и другихъ жизненныхъ условій. Только что сказанное я, насколько возможно, постараюсь подтвердить примѣрами изъ имѣющихся въ моемъ распоряженіи словъ Олонецкаго края.

Процессъ образованія слова особенно ярко можно видѣть на словахъ звукоподражательныхъ, представляющихъ переводъ междометія, иногда соединеннаго съ жестомъ. Это явленіе мы ежедневно наблюдаемъ у маленькихъ дѣтей, употребляющихъ въ первое время своей жизни междометія и звукоподражательныя частицы вмѣсто имѣющихся въ общежитіи словъ.

—„У—у—у“! произноситъ, напримѣръ, ребенокъ, показывая усыпляющей его матери на печь, въ трубѣ которой завываетъ зимняя вьюга.

—„Уландаетъ“? спрашиваетъ съ участіемъ мать: — „не бойся, рожоно, это вѣтеръ. У окаянный, зауландалъ! спать Мишенькѣ не даетъ... спи, дорогой, спи—мама вѣтеръ розгой“!

Быть можетъ, не разъ еще пожалуется ребенокъ на вѣтеръ, не разъ мать пообѣщаетъ вѣтру розогъ, пока ребенокъ не заснетъ сномъ невинности. Каждый, конечно, согласится, что изъ всего монолога матери, ребенку будетъ гораздо легче усвоить слово „уландаетъ“, первый слогъ котораго онъ уже умѣетъ произносить. Такимъ образомъ онъ очень легко перейдетъ отъ междометія къ словамъ, въ основѣ которыхъ лежатъ эти междометія и вмѣсто „ха—ха“! „ай, ой“! „му-у“! „бу—у—у“! „гуръ—гуръ“! „хамъ“! „ко—ко—ко“! „тюкъ“! „буцкъ“! онъ, какъ истый олончанинъ начнетъ произносить слова: „хахать“, „айкать“, „ойкать“, „мукать“, „тюкать“, „кокотать“, „гуркать“, „хамкать“, „буцкать“, „чуфыскать“, „сюськать“, „бузандать“ и т. д., которыя суть ничто иное, какъ переводъ междометія, соединеннаго съ жестомъ или безъ жеста, на мѣстный языкъ. Точно также онъ будетъ говорить выраженіями: „сытъ по горло“, „шепчи въ кулакъ“ и пр., которыя представляютъ собою уже переводъ съ языка жестовъ на языкъ словъ, причемъ часто для большей рельефности и убѣдительности сопровождаются жестомъ: такъ напр., сказавъ „сытъ по

горло", дѣлаютъ еще характерное движеніе рукою поперегъ горла, какъ бы опредѣляя границу переполненія. Кромѣ звукоподражательныхъ словъ, мы имѣемъ также и слова, обличающія уже движеніе человѣка впередъ по пути развитія, обличающія его способность сравнивать, выражающуюся первое время въ грубой формѣ. Такъ дикари, вмѣсто того, чтобы сказать: „твердый", говорятъ: „какъ камень", вмѣсто „горячъ"—„какъ огонь" и т. д. Болѣе просвѣщенные народы тѣже сложныя выраженія замѣняютъ уже посредствомъ простыхъ словъ: „огненный", „пламенный" и т. д.

Такихъ словъ въ каждомъ языкѣ масса; въ Олонецкомъ нарѣчіи мы подчеркнемъ лишь нѣкоторые.

Всякій кто видѣлъ заросли гормы (horma финск. Иванъ чай. Epilobium angustifolium) въ то время, когда сѣмяна гормы уже поспѣли, конечно, помнитъ, что эти заросли издали кажутся какъ бы покрытыми въ верхней своей части бѣлой пѣной или плѣсенью; бѣлизна эта сообщается зарослямъ массой пушистыхъ сѣмянъ „гормы", высунувшихся изъ лопнувшихъ плодниковъ. Олончанинъ провелъ паралелль между плѣсенью и бѣлымъ налетомъ, покрывающимъ заросли „гормы", и вотъ, вмѣсто выраженія „покрываться плѣсенью", онъ употребляетъ глаголъ „гормовѣть", тогда какъ, быть можетъ, его отдаленный предокъ говорилъ просто „какъ горма".

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Олонецкой губерніи, вмѣсто слова „горбатый", встрѣчается слово „клюй", въ которомъ мы ясно видимъ аналогію, проведенную народомъ между клюющей птицей и горбатымъ человѣкомъ: фигура горбатаго дѣйствительно очень часто напоминаетъ собой фигуру птицы, собирающейся клевать кормъ.

Лягушку въ Олонецкой губерніи зовутъ „потыкашкой", сравнивая движеніе лягушки съ движеніями человѣка, который спотыкается.

Глаголъ „кивиштать" (kiwi финск. камень), означающій смерть, обличаетъ умственную работу, направленную къ проведенію аналогіи между камнемъ и оцѣпенѣлымъ трупомъ человѣка.

Въ глаголѣ „вереснуть" ясна паралелль, проведенная между

частнымъ явленіемъ треска отъ ломающагося можевельника (*) и трескомъ вообще. Въ этомъ словѣ мы имѣемъ, собственно говоря, совершенно частное явленіе, вѣроятно, впервые поразившее человѣка, между тѣмъ выраженіе „вереснуть“ употребляется теперь въ общемъ значеніи. Такихъ словъ много было и есть во всѣхъ языкахъ: одни слова, имѣвшія первоначально частное значеніе, по мѣрѣ развитія народа, становились общими и наоборотъ. Мало того однимъ поколѣніемъ подчеркивалась одна особенность предмета, другимъ—другая.

Благодаря этому, во многихъ словахъ языка мы можемъ отличить сторону предмета, поразившую человѣка, мы можемъ подмѣтить, какое было первое впечатлѣніе, вынесенное имъ при встрѣчѣ съ предметомъ или явленіемъ.

Человѣку, напримѣръ, бросилось въ глаза, что, тогда какъ всѣ люди обыкновенно читаютъ или разсматриваютъ что-либо на извѣстномъ разстояніи, находятся люди, положительно лезущіе носомъ въ книгу или въ цвѣтокъ, который разсматриваютъ, причемъ, конечно, приближаютъ руки къ своей физіономіи ближе, чѣмъ можно было бы ожидать,—и вотъ явилось олонецкое слово „близкорукій“ (близорукій).

Интересно, что въ олонецкомъ нарѣчіи слово „сплетникъ“ замѣняется болѣе выразительнымъ словомъ „концесводникъ“, т. е. такой субъектъ, который сводитъ два конца, изъ которыхъ одинъ-то лицо, отъ котораго онъ услышалъ извѣстную вещь, другой-то, до котораго чрезъ много устъ дошла таже вещь, иногда исковерканная. Въ словѣ „концесводникъ“ ясно выражено, что причина сведенія на очную ставку сказавшаго и услышавшаго сказанное въ исковерканномъ видѣ лежитъ въ субъектѣ, называемомъ „концесводникъ“: не скажи онъ услышаннаго и ставки не было бы!

Всякому кто бывалъ въ лѣсу, конечно, пришлось замѣтить работу дятла; птица эта не въ одной только Олонецкой губерніи надоѣдаетъ своимъ безпрестаннымъ клеваніемъ: поклюетъ одно дерево, перелетитъ на другое, третье и т. д., постоянно производя одинъ и тотъ же однообразный стукъ ударами крѣпкаго носа...

(*) Растеніе можевельникъ (Iunipeгus communis Z) въ Олонецкой губерніи зовется „вересъ“ или „ферисъ“.

Такое постоянство занятій не могло быть незамѣченнымъ народомъ, и вотъ они сначала, можетъ быть, жестами сообщали другъ другу, что видѣли птицу, которая все что-то клюетъ, а впослѣдствіи уже дали названіе „клевецъ", т. е., такая птица, которая клюетъ, причемъ клеваніе подчеркивается, какъ характерный признакъ индивида.

Олончанинъ не могъ не замѣтить того, что ягоды черемухи представляютъ собою нѣчто оригинальное по малому количеству мякоти, окружающей сѣмена ягоды; онъ замѣтилъ, что, въ то время какъ всѣ другія ягоды своего края онъ ѣстъ разжевывая, ягоды черемухи приходится надкусивши глотать цѣликомъ, и вотъ онъ отличилъ ее названіемъ „глотуха", т. е., такая ягода, которую, если не глотать, то и ѣсть нечего, да и не зачѣмъ!

Издавна зналъ олончанинъ, что косолапый сосѣдъ его по лѣсу —медвѣдь очень любитъ полакомиться чужимъ „овсецомъ", и назвалъ его „овсянникомъ", тогда какъ тотъ же „Топтыгинъ" въ Средней Россіи названъ „медвѣдемъ" за страстишку его къ меду.

Слово „медвѣдь" въ Олонецкой губерніи не имѣло почвы для своего образованія: Олонецкій крестьянинъ и самъ меда отъ олонецкихъ пчелъ никогда не ѣдъ, да и у медвѣдя, конечно, не могъ замѣтить пристрастія къ нему, но то, что этотъ звѣрь любитъ овесъ, что всѣ другіе звѣри Олонецкой губерніи предъ „Мишенькой" ничто, это для него ясно, и онъ выразилъ это въ названіяхъ медвѣдя („овсянникъ", „онъ", „самъ", „звѣрь"), поэтому Приклонскій только отчасти правъ, говоря (*), что олонецкій крестьянинъ боится произносить слово „медвѣдь". Дѣйствительно вы рѣдко услышите, чтобы медвѣдя гдѣ-нибудь въ деревнѣ, не говоря уже о захолустьяхъ, назвали иначе, какъ „онъ", „самъ".

Кто такой этотъ таинственный „онъ" и „самъ", вы часто не добьетесь: рѣдко вамъ скажутъ, что это „звѣрь", еще рѣже вы услышите „овсянникъ", а ужь слово „медвѣдь" — слово не подъ сѣвернымъ небомъ родившееся, а заносное—не скажутъ, не въ силу того, что они боятся медвѣдя, а просто потому, что слово „медвѣдь" немногіе лишь знаютъ изъ олонецкихъ крестьянъ. „Онъ", „самъ", „звѣрь", „овсянникъ" —вотъ слова, обозначающія всю силу впечатленія, производимаго медвѣдемъ на олонецкаго

(*) Приклонскій «Народная жизнь на сѣверѣ»; стр. 271.

обывателя, въ нихъ видны симпатіи медвѣдя, его положеніе въ лѣсной іерархіи, значеніе его для края и страхъ обывателей предъ этимъ „звѣремъ“ изъ звѣрей.

Въ словахъ „жиглуха“, „жалуха“, „жигалка“, обозначающихъ ящерицу сказывается народная несправедливость къ этому присмыкающемуся, обвиненіе его въ томъ, что оно кусаетъ, жалитъ людей (жигаетъ).

Повѣрье подобное только что указанному сказалось въ выраженіи: „паръ вонъ“, употребляемомъ вмѣсто того, чтобы сказать просто: „умеръ“. Въ немъ ясно видно, что разлуку души человѣческой съ бреннымъ тѣломъ олончанинъ представляетъ, какъ отдѣленіе пара, въ видѣ котораго душа и направляется въ небеса.

Выраженія, употребляемыя для опредѣленія внутреннихъ состояній человѣка, представляютъ большой интересъ для психологіи, но, къ сожаленію, по этому отдѣлу у меня имѣется очень не много выраженій Олонецкаго обывателя, но что же дѣлать? „чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ“!

Интересно, напримѣръ, что говорятъ въ Олонецкой губерніи о человѣкѣ задорномъ, придирчивомъ—что онъ „ширится“, т. е., какъ будто бы ему мало занимаемаго имъ въ пространствѣ мѣста, какъ будто бы онъ постоянно старается расширить свои владѣнія, причемъ приходитъ, конечно, въ столкновеніе съ интересами окружающихъ его людей, которымъ и приходится обуздывать несправедливыя дѣйствія собрата.

Въ то время какъ этому субъекту какъ бы не хватаетъ мѣста, и онъ старается расшириться, растолкать, помять окружающихъ, человѣку конфузливому, попавшему въ общество, по выраженію Олонецкихъ обывателей, также какъ бы тѣсно. Но тогда какъ первый „ширится“ и такимъ образомъ представляетъ собою единицу постоянно активную, роль послѣдняго скорѣе пассивна: онъ чувствуетъ себя уничтоженнымъ какъ бы сдавленнымъ какими-то нематеріальными рамками, состоящими изъ взглядовъ, разговора, смѣха, улыбокъ окружающихъ; ему кажется, что все это направлено на него, что на него смотрятъ, что по поводу его фигуры улыбаются, говорятъ, намекая на него, всѣ эти воображаемые страхи давятъ на него со всѣхъ сторонъ, какъ на человѣка по-

павшаго въ роковую тѣснину; онъ старается придать своёму тѣлу болѣе или менѣе выгодное положеніе, но чѣмъ болѣе старается тѣмъ болѣе чувствуетъ тѣсноту, которая неумолимо давитъ его со всѣхъ сторонъ: попробуетъ опустить руки внизъ—тѣсно! сложить ихъ на колѣнахъ—тѣсно! согнетъ ноги въ колѣнахъ—тѣсно! сократится всѣмъ тѣломъ—все тѣсно! однимъ словомъ всѣ попытки исправить несносное положеніе тщетны и съ минуты на минуту положеніе становится критичнѣе: онъ отвѣчаетъ не впопадъ, тычетъ вилкою въ супъ, ложкой въ телятину, творитъ массу несообразностей и счастье его, если ему удастся какъ-либо исчезнуть. Выраженіе „тѣснится“, какъ нельзя полнѣе, охватываетъ сущность этого состоянія, давая чувствовать способность народа къ психологическому анализу.

Отчасти тоже самое можно сказать и о выраженіяхъ, изображающихъ неотвязную тоску и огорченіе: „это мнѣ сквозь сердце!“, „въ грудяхъ скучно!“, „съ груди не выходитъ!“, говоритъ олончанинъ.

Въ заключеніе посмотримъ, насколько вліяли на олонецкое нарѣчіе физическія условія края, его промыслы и занятія.

Разсуждая теоретически мы уже a priori можемъ сказать, что чѣмъ больше распространенъ извѣстный предметъ или физическая особенность, рыба или птица, тѣмъ больше онъ можетъ имѣть названій въ районѣ распространенія, потому что одному олончанину можетъ броситься въ глаза одна особенность въ предметѣ, другому—другая. Дѣйствительно теоретическая догадка находитъ себѣ подтвержденіе въ языкѣ.

Олонецкій край, напримѣръ, изобилуетъ болотами, которыя отовсюду окружили олончанъ, разъединили ихъ другъ отъ друга и мѣшаютъ такимъ образомъ прогрессу; въ болотахъ тонетъ скотъ олончанина, болота награждаютъ край эпидеміями и т. д. Благодаря этому, мы имѣемъ въ языкѣ для обозначенія слова „болото“ такое обиліе названій, какое едва ли гдѣ въ другомъ мѣстѣ встрѣчается: и „нурвижъ“ (одъ финскаго ruraan, т. е., такое мѣсто, гдѣ при ступаніи ногой выступаетъ вода, производя характерное булканье), и „ольга“, и „янга“ (финск. jänkä), и „пендусъ“, и „пенусъ“, и „согра“, и „лыва“, и „рада“ и др.

Обиліе окуня въ краѣ обличается существованіемъ названій его (окунь, острецъ, бузунъ, васпль). На Ковжеозерѣ (Вытег. у.), бла-

годаря тому, что судакъ составляетъ продуктъ промысла, потребленія и сбыта, онъ въ разныхъ возрастахъ зовется различно: судакъ до 3-хъ фунтовъ зовется „юрокъ“, „юрочекъ“, до 5-ти фунтовъ—„пелькачъ“ и затѣмъ только „судакъ“.

Люди, пожившіе на своемъ вѣку или вообще имѣвшіе случай много наблюдать, очень часто въ состояніи по одной наружности субъекта заключить о его занятіяхъ, въ какое бы платье онъ не былъ одѣтъ.

Если, съ одной стороны, нѣкоторыя профессіи и не легко опредѣлить по наружности, то, съ другой стороны, есть такія, которыя опредѣлитъ чуть не всякій.

Кто, напримѣръ, не узнаетъ солдата Николаевскихъ временъ? вся его фигура, его взглядъ, его походка, обыкновеніе выражаться—все это дастъ вамъ понять, что передъ вами стоитъ Николаевецъ. Едва ли кому также будетъ стоить труда узнать служившаго въ солдатахъ или лакея,—образъ жизни кладетъ на каждаго свой отпечатокъ.

Профессія, говоритъ П. Мантегаццо (*), оказываетъ вліяніе на выраженіе нашего лица, равно какъ на нашъ характеръ, наше здоровье и на множество другихъ внутреннихъ и внѣшнихъ отношеній нашего „я“. Странно было бы поэтому, если бы профессія не сказалась въ языкѣ,—и дѣйствительно многіе, заговоривъ съ человѣкомъ, могутъ рѣшить, кто онъ такой, прикащикъ ли онъ адвокатъ, учитель и т. д.

Всѣ письма математика, филолога, зоолога и прочихъ къ своимъ возлюбленнымъ, иногда украшающія страницы юмористическихъ журналовъ, конечно, представляютъ собою ничто иное, какъ карикатуру, но кто скажетъ, что они не имѣютъ никакого основанія, и кто, поручится, что въ письмѣ математика, медика мы никогда не найдемъ ни одного техническаго термина, употребленнаго взамѣнъ какого-либо слова, принятаго въ общежитіи.

Въ имѣющемся у меня собраніи олонецкихъ провинціализмовъ есть нѣсколько такихъ словъ.

Между Петрозаводскими обывателями въ употребленіи слово

(*) „Физіономія и выраженіе чувствъ“. П. Мантегаццо, изданіе 1886 г. глава XVIII „мимика расъ и профессій“, стр. 228.

„калиберъ“, характеризующее ихъ со стороны горнозаводской дѣятельности: всякое сходство разсматривается ими, какъ тождество размѣровъ извѣстныхъ частей сравниваемаго лица: одинаковый, ростъ, физіономія и пр.

Мало того, слово „калиберъ“ употребляется и для обозначенія внутренняго, нравственнаго сходства двухъ извѣстныхъ субъектовъ. „Ужь не того, братъ, калибру хозяинъ“! съ горечью заявляетъ одинъ мастеровой другому, давая понять, что нравственный цензъ бывшаго хозяина по размѣрамъ былъ высшаго „калибра“ сравнительно съ теперешнимъ.

Каждому изъ петрозаводскихъ жителей, конечно, приходилось не разъ слышать ругательство: „рвань пушечна“, замѣняющее собою слово „оборванецъ“.

Въ ругательствѣ этомъ опять-таки ярко сказывается горнозаводскій мастеровой, уподобившій лохмотья обрѣзкамъ и осколкамъ чугуна, имъ обработываемаго, давшій заводскому термину право гражданства въ своемъ языкѣ.

Винокуренная промышленность въ олонецкомъ нарѣчіи сказалась въ глаголѣ: „забардевѣть“ (барда), подсѣчная система хозяйства—въ словѣ „огнищанинъ“ (огонь, „огнище“).

Въ олонецкомъ нарѣчіи кромѣ всего сказаннаго мы видимъ также антагонизмъ между народностями корельской (также чудской) и русской.

Народная непріязнь въ языкѣ выражается тѣмъ, что все плохое, невзрачное, убогое олончанинъ часто нарочно подчеркиваетъ посредствомъ корельскаго слова: худой ли жеребенокъ — олончанинъ злорадно называетъ его „варжа“(warset, корельское), топоръ поломанный, затупленный—„кирвесъ“, тогда какъ цѣлый, хорошій зоветъ топоромъ; всякаго парня назоветъ парнемъ, а если онъ или умомъ не вышелъ или состояніемъ, то его назоветъ и „паигашемъ“ (poiga, корельское), хорошо отрѣзанный отъ ковриги ломоть назоветъ ломтемъ, а кусокъ, плохо срѣзанный, — это уже „оковалокъ“ (Kappalet), сосну, растущую на сухомъ мѣстѣ, прямую, вѣтвистую олончанинъ зоветъ сосной, а сосну болотную, тощую, кривоствольную зоветъ „мяндой“ (mäntä) и такимъ образомъ, гдѣ можно, осмѣетъ убого живущаго корела.

Смѣясь надъ кореломъ, оттѣсняя его дальше и дальше побѣдитель самъ между тѣмъ не замѣчаетъ, что онъ частенько щеголяетъ въ чужихъ лохмотьяхъ, выдавая ихъ за свои.

№ 2 —
Цена руб.

Слова: „малтать“ (maltaa), „туюсь“ (tuohi) и пр. олончанинъ считаетъ своими и будетъ увѣрять васъ что это слово русское. Въ языкѣ олончанина столько словъ присвоенныхъ отъ корелъ, что если бы мнѣ была дана монополія на помѣщеніе ихъ на страницахъ „Олонецкихъ Вѣдомостей“, то на это понадобилось бы нѣсколько нумеровъ этого органа цѣликомъ, и благодаря словамъ, заимствованнымъ у корелъ, олонецкому обывателю не пришлось бы тогда нѣсколько времени читать ни внутреннихъ, ни внѣшнихъ извѣстій, помѣщаемыхъ „въ Олонецкихъ Вѣдомостяхъ“.

Имѣвшіе случай знакомиться съ кореломъ согласны, что онъ наблюдателенъ и любитъ точность и опредѣленность (*); у него есть много названій птицъ, рыбъ, растеній, которыхъ нѣтъ у русскихъ. Русскій замѣтилъ это и завладѣлъ чужимъ.

Спросите теперь рыбыка олонецкаго о распространенномъ названіи плотицы—„сорога“, онъ вамъ отвѣтитъ: „вѣстимо, русское слово“. А попробуйте убѣдить его, что любимый его возгласъ: „а, вой, вой“ есть финское—aa, voi, voi, что „сорога“ — это ничто иное, какъ исковерканное, по милости же олончанина, корельское särgi или что „кулоха“ ничто иное, какъ финское—kulo, что „туюсь“—финское tuohi, „накентаться“—финское kanttan, что „пирдать“—чудское pirtaa, „мурдать“—финское murtaa, „сарія“—финское sarja, „гарьюки“—финское harlukset, „вяйвеки“ — финское wäive, „нюгендать“—финское nyyhkuttää, что „шалга“—корельское selgä, что „малтать“—корельское maltaa, что „корбукса“—финское corpus, что „ламба“ (lampi), „салма“ (salmi), „салага“ (salakka), „кобрушка“ (copra) и пр., что все это присвоено отъ молчаливаго сосѣда, вѣдь онъ, пожалуй, въ амбицію вломится.

(*) Лалошъ „От. Зап.“ 1874 г. № 2 „Сельская община въ Олонецкой губерніи“, стр. 224—25.

Г. И. Куликовскій.

Москва 25 сентября
1887 г.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

(Перепечатанъ изъ №№ 81 и 82 Олонец. Губ. Вѣд. 1887 г.).

Петрозаводскъ. Въ Губернской Типографіи. 1887.

ОИК № 50552